

BYZANTINA.

ОЧЕРКИ. МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ

ПО

ВИЗАНТІЙСКИМЪ ДРЕВНОСТЯМЪ.

Д. О. Брѣлева.

КНИГА I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

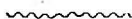
ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1891.

ОБЗОРЪ

ГЛАВНЫХЪ ЧАСТЕЙ БОЛЬШАГО ДВОРЦА ВИЗАНТІЙСКИХЪ ЦАРЕЙ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ

ПО

ИСТОРИИ ВИЗАНТІЙСКИХЪ ЧИНОВЪ.

СЪ ПЛАНОМЪ (ЛАВАРТА) БОЛЬШАГО ДВОРЦА, ИППОДРОМА И ХРАМА СВ. СОФІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лнн., № 12.

1891.

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ИЗЪ ПЯТАГО ТОМА ЗАПИСОКЪ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

СВОИМЪ УЧИТЕЛЯМЪ,
ПРОФЕССОРАМЪ И ДОЦЕНТАМЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
1867—1875,

посвящаетъ

авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	1
Глава I. Золотая палата и смежныя съ нею постройки	10
» II. Лавзіакъ, Юстиніановъ Триклинь и Скилы	45
» III. Трикопхъ, Апсида, Дворецъ Дафны, XIX Аккувитовъ, Трибуналь	86
» IV. Консисторія, Магнавра, храмъ Господа, Триклины Кандидатовъ и Экскувитовъ, Школы и Халка	116
Приложеніе: Паліи, девтеръ и подчиненные ихъ	145
Указатель	183
Объясненія къ плану Лабарта	195.

ЗАМѢЧЕННЫЯ БОЛѢ ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдовало напечатать.</i>
43	1 снизу	не начсмъ	ни на чемъ
45	12 сверху	патрикїа зосты	патрикїи зосты
47	19 снизу	Τριπέτωνος	Τριπέτωνος
52	4 »	въ немъ было бы	было бы
—	25 »	διὰ χρόνος	διὰ χρόμος
—	8 »	γένονε	γένονε
54	11 »	Σχόλαι	Σχόλα
59	9 сверху	Лавзіана	Ливзіака
60	17 снизу	совершалась обѣдни	совершалась обѣды
63	19 сверху	выходила	выходили
69	18 снизу	для рожденія	дня рожденія
—	1 и 2 сверху	τῶς	τῶν
71	18 сверху	Скиля	Скиль
82	13 »	напісмъ	напісю
—	5 снизу	2 раза (II, 18, 602)	2 раза
88	17 »	которой	который
88	12 »	въ 19 аккувитовъ	въ Палату 19 аккувитовъ
92	5 сверху	любилъ о свое	любилъ это свое
96	11 снизу	Если это заключены	Если это заключеніе
102	9 »	а такъ	а такъ какъ
109	3 »	отдѣлялись	отдѣлялось
113	6 »	обтирной	обширной
114	7 »	πυλῶνος	πυλῶνος
117	5 »	даютъ рукою	даются рукою
—	30 »	патрикїи зоста	патрикїа зоста
—	2 »	sola	sala
118	19 »	κονσιτῳρίον	κονσιτῳρίον
120	20 »	Μαννιούρη, Μαννιούρη	Μαννιούρη, Μανιούρη
125	16 сверху	обрїиу	обряду
126	18 снизу	зажигать	зажигать лампы
145 и др.	20 »	Noticia dignitatum	Notitia dignitatum
153	3 »	φορέματα	φορέματα
—	2 »	ὕπηρεσιαν ἀν ἐπίγνωστον	ὕπηρεσιαν ἀνεπίγνωστον
156	10 »	деканитъ	деканомъ
159	8 »	вызывало	вызывала
162	2 »	папою умершему	папою и умершему
173	6 »	нижними	низшими
175	12 сверху	только, сколько если	только, если

Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца ¹⁾ Византійскихъ царей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Занимаясь изученіемъ Придворнаго Византійскаго Устава, составленнаго Константиномъ Багрянороднымъ, и предполагая нѣкоторые изъ обрядовъ (Cerimoniae, τάξεις, ἀκολουθίαι), вошедшихъ въ составъ его, сдѣлать предметомъ послѣдующихъ очерковъ, я естественно долженъ былъ заниматься и топографіею Большаго Дворца, такъ какъ, безъ знакомства съ топографіею его, нельзя понимать всѣхъ подробностей обрядовъ, совершавшихся въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ традиціею частяхъ Дворца. Такое совмѣстное изученіе обуславливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что главный и самый обильный матеріалъ для топографіи Большаго Дворца (τὸ Μέγα Παλάτιον) находится въ тѣхъ же обрядахъ. Изученіе этого матеріала привело меня къ тому заключенію, что существующія по топографіи Большаго Дворца спеціальныя изслѣдованія во многихъ важныхъ пунктахъ и отдѣлахъ грѣшатъ

1) Большимъ Дворцемъ (τὸ Μέγα Παλάτιον, Magnum Palatium) обыкновенно называется совокупность дворцовыхъ зданій, находившихся на югъ отъ св. Софіи и на востокъ отъ Ипподрома, въ противоположность другимъ городскимъ и загороднымъ дворцамъ (Du Sange, Constantinopolis Christiana, Venetiis, 1729, Liber II, C. IV, p. 91); но въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго, какъ мы увидимъ, подъ Большимъ или Великимъ Дворцомъ обыкновенно разумѣются не всѣ дворцовыя зданія, находившіяся близъ св. Софіи и Ипподрома, а только тѣ, которыя прилегали или вели къ Золотой Палатѣ (Хрисотриклину) и входили въ составъ снѣгсвеннаго, богохранимаго жилища царя, въ противоположность другимъ дворцовымъ зданіямъ, напр. Магनावрѣ и Дворцу Дафвы. Въ нижеслѣдующемъ обзорѣ, подъ Большимъ Дворцомъ будетъ разумѣться вся совокупность дворцовыхъ зданій около Ипподрома и св. Софіи, а подъ Большимъ Дворцомъ въ тѣсномъ смыслѣ или собственнымъ Дворцомъ только тѣ зданія, которыя входятъ въ составъ Большаго Дворца, въ смыслѣ Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго.

противъ истины и никакъ не могутъ считаться такими трудами, которые дѣлаютъ новѣйшій пересмотръ матеріала и новое обследованіе предмета излишними.

Превосходныя статьи одного изъ старѣйшихъ русскихъ византинистовъ, Г. С. Дестуниса, помѣщенные въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія нѣсколько лѣтъ тому назадъ, освобождаютъ меня отъ необходимости излагать исторію изслѣдованій по топографіи Большаго Дворца, такъ какъ въ статьяхъ г. Дестуниса о трудахъ по топографіи Константинополя вообще указаны и работы или части ихъ, посвященныя топографіи дворцовъ ¹⁾.

Для нашихъ цѣлей достаточно остановиться на двухъ новѣйшихъ трудахъ, посвященныхъ исключительно топографіи Большаго Дворца, тѣмъ болѣе, что объ одномъ изъ нихъ г. Дестунисъ говоритъ очень мало, а о другомъ, какъ вышедшемъ послѣ написанія указанныхъ статей, совсѣмъ не говоритъ. Я разумѣю труды: Жюля Лабарта (Labarte): *Le palais impérial de Constantinople et ses abords au dixième siècle*. Paris 1861, и Паспати (Πασπάτης): *Τὰ Βυζαντινὰ ἀνάκτορα*. Ἐν Ἀθῆν. 1885.

Говоря о трудѣ Лабарта, г. Дестунисъ, изъ вопросовъ, разсматриваемыхъ Лабартомъ, останавливается только на вопросѣ о положеніи Большаго Дворца относительно Ипподрома и св. Софіи (стр. 236 слѣд.). Разбора другихъ частей сочиненія г. Дестунисъ не дѣлаетъ, ограничиваясь приведеніемъ мнѣнія Паспати о трудѣ Лабарта, высказаннаго въ одномъ изъ прежнихъ его сочиненій, именно въ *Βυζαντινὰ Μελέται*, стр. 102, гдѣ Паспати называетъ трудъ Лабарта однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ и глубокомысленнѣйшихъ сочиненій, посвященныхъ изслѣдованію города Константины. Трудъ Лабарта, дѣйствительно, имѣетъ огромныя достоинства и преимущества сравнительно съ предшествовавшими ему работами по тому же предмету. Эти достоинства и высокія качества труда французскаго ученаго зависятъ какъ отъ таланта его, такъ и отъ того, что авторъ первый воспользовался всѣмъ тѣмъ обильнымъ матеріаломъ для топографіи Дворца, который находится въ Придворномъ Уставѣ или Обрядахъ Константины Багрянороднаго, между тѣмъ какъ его предшественники на томъ же поприщѣ или вовсе не имѣли возможности пользоваться этимъ главнымъ источникомъ (какъ Дюканіжъ въ *Constantinopolis Christiana*) или пользовались имъ случайно, безъ системы и предварительнаго собиранія и изученія

1) Статьи Г. С. Дестуниса по «Топографіи средневѣковаго Константинополя» помѣщены въ Журналъ М. Н. Пр. за 1882—1883 годъ. Проф. Кондаковъ считаетъ эти статьи лучшимъ библиографическимъ руководствомъ по этому вопросу (Визант. Церкви, въ III томѣ трудовъ VI археологич. съѣзда въ Одессѣ, стр. 96, примѣч. 2-е).

всѣхъ данныхъ, находящихся въ этомъ важнѣйшемъ источникѣ (Скарлатъ Византій) ¹⁾. А такъ какъ во всей массѣ извѣстій Византійскихъ писателей, собранныхъ Дюканжемъ, нѣтъ столько и такихъ данныхъ для топографіи Большаго Дворца и его частей, сколько въ Обрядахъ Константина Багрянороднаго, то трудъ Лабарта, основанный на указаніяхъ Обрядовъ, вышелъ несравненно полнѣе, точнѣе и опредѣленнѣе, нежели труды предшественниковъ, въ томъ числѣ и знаменитаго Дюканжа, который, будучи лишень указаній Обрядовъ, нерѣдко смѣшиваетъ и соединяетъ въ одно, что должно разсматриваться отдѣльно, и наоборотъ. Благодаря указаніямъ Обрядовъ и своему замѣчательному дару комбинаціи, Лабартъ не только установилъ и доказалъ, что Большой Дворецъ находился на востокъ отъ Ипподрома и на югъ отъ площади Августеона и св. Софіи, но и нашелъ возможнымъ представить планъ отдѣльныхъ дворцовыхъ зданій и помѣщеній.

Высокія достоинства труда Лабарта видны яснѣе всего изъ сравненія его общихъ и главныхъ выводовъ и плана съ результатами, добытыми греческимъ археологомъ и знатокомъ Константинополя, г. Паспати, который, кромѣ источниковъ и труда Лабарта, основываетъ свой трудъ на топографическихъ измѣреніяхъ и наблюденіяхъ, сдѣланныхъ на мѣстѣ. При такихъ условіяхъ можно было ожидать, что опытный археологъ внесетъ много новаго и еще яснѣе освѣтитъ топографію Дворца. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ вышло какъ разъ наоборотъ: Паспати не только не дополнилъ, не освѣтилъ того, что добыто Лабартомъ, но еще больше запуталъ и сбилъ съ толку читателя своими выводами и планомъ, которые часто рѣзко противорѣчатъ тѣмъ даннымъ, на которыхъ они основаны.

Такъ какъ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ частей Большаго Дворца будетъ не одинъ разъ указано на недостатки книги г. Паспати, то теперь нѣтъ надобности касаться подробностей и частныхъ. Достаточно остановиться на общей и главной разницѣ результатовъ, добытыхъ Лабартомъ и Паспати и представленныхъ ими въ наглядной формѣ на приложенныхъ къ сочиненіямъ планахъ.

Между тѣмъ какъ у Лабарта Ипподромъ почти непосредственно при-
мыкаетъ къ Дворцу своею восточною стороною и приведенъ посредствомъ зданій дворца Дафны въ непосредственную связь съ Большимъ Дворцомъ вообще, а площадь Августеонъ помѣщена между южною стороною св. Софіи и сѣвѣрною стороною Большаго Дворца, у Паспати Августеонъ помѣ-

1) *Ἡ Κωνσταντινούπολις ἡ περιγραφή τοπογραφικῆ ἀρχαιολογικῆ καὶ ἱστορικῆ κατὰ Σκαρλάτου Δ. τοῦ Βυζαντίου. Τόμοι: Α—Γ. Ἀθήν.* 1851—1862. О Большомъ Дворцѣ здѣсь даются самыя смутныя и спутанныя свѣдѣнія.

щенъ между восточною стороною Ипподрома и Дворцомъ, а главный выходъ изъ Дворца къ св. Софїи (большія ворота Мелетїя) стоятъ противъ алтаря св. Софїи. Какъ расположеніе, сдѣланное Лабартомъ, болѣе или менѣе согласуется съ указанїями Обрядовъ Константина, такъ и размѣщеніе сейчасъ названныхъ зданій и площади, сдѣланное Паспати, стоитъ съ ними въ полномъ противорѣчїи. А такъ какъ трудъ Паспати, какъ и Лабарта, основанъ почти исключительно на Обрядахъ Константина, то Паспати въ текстѣ приводитъ много выписокъ изъ Обрядовъ, которыя иногда явно и прямо противорѣчатъ тому, что Паспати изобразилъ на планѣ. Трудно даже понять, какъ Паспати могъ придумать такой невозможный планъ, если не принимать во вниманіе, что большая часть труда Паспати о дворцахъ, за исключеніемъ частныхъ дѣлныхъ и правильныхъ замѣчаній и поправокъ, отличается отсутствіемъ общей концепціи и несогласіемъ частей, отсутствіемъ критики, а иногда явнымъ непониманіемъ того, о чемъ онъ говоритъ. Такъ, если мы возьмемъ въ трудѣ Паспати описаніе частей Большаго Дворца, выходящихъ къ Ипподрому (Юстиніановъ Триклинь и Скилы) или непосредственно къ нему примыкающихъ (Дафна), то мы найдемъ у него много мѣстъ изъ обрядовъ, ясно указывающихъ на ближайшую связь ихъ съ Ипподромомъ, но посмотрѣвъ на планъ, мы къ удивленію увидимъ, что они выходятъ на Августеонъ. Выходя изъ большихъ воротъ Халки (ворота Мелетїя), царь чрезъ Среднюю улицу, Августеонъ и Милїи входилъ въ западные, красныя врата св. Софїи, а у Паспати ворота Мелетїя оказываются противъ алтаря, а Милїи и Августеонъ въ сторонѣ отъ этихъ воротъ, такъ что является совершенно непонятнымъ, зачѣмъ царь дѣлалъ большой крюкъ, чтобы попасть въ св. Софїю, когда онъ могъ войти въ нее съ юго-восточной стороны. Несообразность и невозможность плана, начертаннаго Паспати, въ общемъ и частностяхъ, до того болѣею частію очевидны, до того явно противорѣчатъ Обрядамъ и выпискамъ изъ нихъ у самого же Паспати, что опровергать его часто совершенно нѣтъ надобности: онъ самъ себя опровергаетъ достаточно. Если, кромѣ того, принять во вниманіе, что въ текстѣ и выпискахъ изъ Обрядовъ Константина сдѣлано много промаховъ и явныхъ ошибокъ, что эти выписки нагромождены часто безъ должнаго порядка, а иногда къ дѣлу не относятся, то подробный разборъ мнѣній Паспати по каждому отдѣльному предмету будетъ не только излишнимъ, но и нестоющимъ труда. При всемъ уваженіи къ ученымъ заслугамъ Паспати и при всемъ нежеланіи говорить рѣзко объ его «Дворцахъ», нельзя не пожалѣть, что Паспати, вмѣсто дополненій и поправокъ къ труду Лабарта, которому онъ часто вольно и невольно слѣдуетъ, предлагаетъ вниманію читателя какой-то непроходимый лѣсъ, недостаточно обработанную, хотя и

обильную и потребовавшую много труда и времени массу материала, мѣстами совершенно *rudis indigestaque moles*, разобраться и ориентироваться въ которой иногда гораздо труднѣе, чѣмъ въ самыхъ источникахъ ¹⁾.

Такой характеръ книги г. Паспати подрываетъ вѣру къ его сообщеніямъ о видѣвшихся имъ развалинахъ и остаткахъ дворцовыхъ зданій, тѣмъ болѣе, что эти наблюденія и сообщенія болышею частію не подкрѣпляются никакими доказательствами, а между тѣмъ, эти наблюденія на мѣстѣ и сообщенія о видѣнныхъ развалинахъ могли бы внести много свѣта и установить хотя бы нѣкоторые пункты топографіи Большаго Дворца, которые послужили бы исходною точкою для опредѣленія мѣста и другихъ дворцовыхъ зданій.

Трудъ Лабарта представляетъ собою во многихъ отношеніяхъ совершенною противоположностью труду Паспати. У Лабарта все обдуманно, соображено и поставлено на своемъ мѣстѣ, такъ что въ общемъ и частностяхъ получается стройное цѣлое. Эта стройность концепція, соединясь съ самоувѣренностію автора въ правильности своихъ выводовъ и соображеній, недопускающею сомнѣній и возраженій, до такой степени соблазнительна и увлекательна, что читатель невольно проникается самоувѣренностію автора и начинаетъ вѣрить, что зданія Большаго Дворца дѣйствительно были такъ расположены и устроены, какъ ихъ расположилъ и описалъ талантливый авторъ. Такая вѣра является тѣмъ легче, что Лабартъ тщательно устраняетъ или игнорируетъ все, что можетъ возбуждать сомнѣніе въ правильности его выводовъ, и указанія Обрядовъ Константина Багрянороднаго и другихъ Византійскихъ писателей приспособляетъ къ своимъ соображеніямъ, подкрѣпляя свои положенія историческими фактами, заимствованными изъ богатаго сборника такихъ фактовъ, сдѣланнаго удивительнымъ по своей эрудиціи Дюканжемъ.

1) Неудобно ли, напр., понять описаніе разныхъ триклиновъ стр. 227—238, гдѣ ἐξουβίτα смѣшиваются съ 19 ἀκκυβίται, гдѣ τριβουνάλιον оказывается то въ иліакѣ 19 аккувитовъ (228—229), то частію Ликіѣ (μέρος τῶν Λύχων ἐκχλεῖτο τριβουνάλιον стр. 236), а на планѣ зала № 56 изображаетъ τριβουνάλιον ἢ τρίκλιος τῶν κωνιδιάτων. Придуманы какіе-то ἀκκυβίτορες въ роли φύλακες τοῦ τρίκλιου τούτου (т. е. 19 аккувитовъ), какой-то особый кувуклій съ начальниками спеціально для этого триклина (стр. 230) и все это подкрѣпляется ссылками на непонятныя мѣста и разрозненными, частію испорченными и искаженными выписками, причемъ часто въ указанныхъ мѣстахъ греческихъ текстовъ или вовсе нѣтъ ничего подобнаго тому, что стоитъ въ книгѣ г. Паспати, или стоитъ что нибудь похожее, но къ дѣлу не относящееся и ничего не доказывающее. Такъ, на стр. 62 Придворнаго Устава (Сег. I, с. 9) Константина, на которую есть ссылка у Паспати 230, упоминается кувуклій и архонты кувукліа, но тѣ же, какіе упоминаются и въ массѣ другихъ случаевъ, а Паспати почему-то считаетъ ихъ принадлежащими спеціально триклину 19 аккувитовъ. Нѣсколько другихъ подобныхъ промаховъ и несообразностей будетъ указано ниже.

Въ виду такихъ качествъ труда Лабарта, становится понятнымъ, что его трудъ послужилъ основаніемъ для послѣдующихъ писателей, трактовавшихъ о томъ же предметѣ. Унгеръ ¹⁾ и Паспати, хотя во многомъ не соглашаются съ Лабартомъ, и часто полемизируютъ съ нимъ, но въ сущности болѣею частію слѣдуютъ Лабарту и повторяютъ даже опибки его, не замѣчая, что Лабартъ, искусною и чрезвычайно ловкою обстановкою своихъ соображеній, вводитъ читатели, иногда безсознательно, а иногда и сознательно, въ заблужденіе и выдаетъ продукты собственной фантазіи за добытую имъ въ источникахъ истину, тѣмъ съ бѣльшимъ удобствомъ, что главный источникъ, Придворный Уставъ Константина Багрянороднаго, составленный изъ обрядовъ разнаго времени и различныхъ авторовъ, почитать довольно трудно, особенно въ подробностяхъ и мелочахъ ²⁾. Читателя Устава поражаетъ и подавляетъ огромная масса непонятныхъ названій, терминовъ, намековъ, указаній и замѣчаній, которыя наполняютъ цѣлыя страницы, то повторяясь, то какъ будто противорѣча одно другому, такъ что читатель, при всемъ вниманіи, невольно сбивается съ толку и перестаетъ многое понимать.

Если мы, кромѣ того, примемъ во вниманіе, что Уставъ Константина, несмотря на превосходные и часто вызывающіе невольное удивленіе комментаріи многосторонняго ученаго и критика, Рейске, сравнительно весьма мало разъясненъ и обслѣдованъ, что весьма и весьма многое остается въ

1) Статьи о зданіяхъ Большаго Дворца въ сочиненіи Унгера: *Griechische Kunst*, помѣщенномъ въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, серія 1, т. 84, болѣею частію представляютъ, не смотря на нѣкоторыя разногласія съ Лабартомъ, компіляціи того же Лабарта. Въ этомъ легко убѣдиться, прочитавши на стр. 414—415 описаніе Юстиніана и Хризотрикаина, гдѣ повторяются всѣ опибки Лабарта относительно этихъ триклиновъ. Что Унгеръ самъ не читалъ Обрядовъ Константина, это доказываютъ его плапы. Въ виду такого компілятивнаго характера етатей Унгера о дворцовыхъ зданіяхъ, мнѣніи Унгера не имѣютъ особеннаго значенія и потому сравнительно рѣдко упоминаются въ этомъ обзорѣ. Не прочитавъ, по видимому, покойный Унгеръ Устава Константина Багрянороднаго и при составленіи своихъ «*Quellen der Byzant. Kunstgeschichte*, Wien, 1878. Иначе по крайней мѣрѣ я не могу себя объяснить, почему въ *Quellen*, (стр. 125—127) въ числѣ мѣстъ, въ которыхъ говорится о вѣздахъ царей въ городъ чрезъ Золотыя ворота и по Средней улицѣ, приведены изъ Устава Константина только I, 500 и 505 и II, 22, 619, а другія мѣста, въ которыхъ объ этихъ же предметахъ говорится полнѣе и точнѣе, пропущены. Не приведены изъ Устава также очень важныя мѣста въ сводѣ источниковъ для топографіи площадей (стр. 131 слѣд.), аркадъ и колоннадъ (стр. 127 слѣд.) и т. д.

2) Соглашаясь съ почтеннымъ авторомъ прекрасной книги: *L'Empire Grec au dixième siècle. Constantin Porphyrog.*, что Обряды Константина представляютъ собою *la plus indigeste des compilations*, я не могу согласиться съ тѣмъ, что обряды даже первой книги, изложенные въ 83 главахъ, принадлежатъ одному автору или одному времени Константина или ему самому (р. 130—135). Нѣкоторые факты, указывающіе на значительную разницу во времени составленія обрядовъ, будутъ приведены ниже.

ней непонятнымъ и непонятнымъ, то мы не только поймемъ причины промаховъ, ошибокъ и недосмотровъ Унгера и Паспати, изъ которыхъ первый повидимому самъ вовсе не штудировалъ Устава, а второй читалъ его поверхностно, но и извинимъ немалое количество вольныхъ и невольныхъ заблуждений и грѣховъ самого Лабарта, который несомнѣнно штудировалъ Обряды Константина больше и внимательнѣе своихъ послѣдователей и противниковъ вмѣстѣ, хотя и объ немъ нельзя сказать, что онъ штудировалъ Уставъ Константина основательно и воспользовался всѣмъ, чѣмъ могъ воспользоваться для пониманія и правильнаго толкованія ихъ ¹⁾). Многимъ количествомъ заблуждений, и притомъ важныхъ, Лабартъ однако-жъ обязанъ своей смѣлости и стремленію во что бы то ни стало представить яснымъ и наглядно изобразить то, для чего нѣтъ никакихъ указаній въ источникахъ. Задавшись недостижимою въ настоящее время цѣлью возстановить планы дворцовыхъ зданій, Лабартъ *volens nolens* долженъ былъ представить яснымъ то, что совсѣмъ не ясно, и часто не только перетолковывать указанія источниковъ для приспособленія ихъ къ своимъ соображеніямъ и планамъ, но иногда сокращать, или дополнять ихъ, чтобы въ своемъ натуральномъ видѣ они не возбудили въ читателѣ сомнѣній въ правильности выводовъ автора. Потому провѣрка основаній, на которыхъ построилъ Лабартъ свое стройное цѣлое, часто приводитъ къ полному разочарованію и во всякомъ случаѣ вселяетъ убѣжденіе, что въ возстановленіи плапа Большаго Дворца участвовала больше фантазія автора, нежели указанія источниковъ.

Дѣло въ томъ, что въ Уставѣ Константина Багрянороднаго, на которомъ главнымъ образомъ основано сочиненіе Лабарта, не дается описаній дворцовыхъ зданій, а имѣются только указанія на нихъ и упоминанія разныхъ частей и принадлежностей ихъ по разнымъ случаямъ и обстоятельствамъ. Потому въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы можемъ догадываться, а иногда и доказать только послѣдовательность одного зданія или залы за другою, смежность или несмежность ихъ, близость или отдаленность, но не ихъ размѣры, планы, подробности ихъ расположенія и соприкосновенія одного къ другому. Правда, во многихъ случаяхъ помогаютъ разъясненію нѣкоторыхъ подробностей указанія и описанія другихъ источниковъ, но и они не даютъ такихъ точныхъ указаній, по которымъ бы можно было возстановить хоть приблизительно планъ построскъ. Въ виду всего этого, планъ Лабарта, особенно въ подробностяхъ, слѣдуетъ считать чис-

1) Доказательства всѣхъ указанныхъ свойствъ и недостатковъ труда Лабарта о Царскомъ Дворцѣ будутъ представлены ниже въ большомъ количествѣ.

ымъ продуктомъ фантазіи автора, а не точнымъ выводомъ изъ тѣхъ данныхъ, которыя находятся въ источникахъ, какъ справедливо замѣтилъ Паспати ¹⁾, хотя это не помѣшало самому ему составить еще болѣе фантастическій планъ, уже не только не основанный на источникахъ, но часто имъ противорѣчащій. Противъ принятія за дѣйствительность того, что изображено на планахъ у Лабарта, помимо явныхъ его промаховъ и ошибокъ, говоритъ достаточно уже то обстоятельство, что по Обрядамъ Константина мы знаемъ только парадныя залы и комнаты, т. е. пріемныя и трошныя залы, переходы и храмы, въ которыхъ совершались обряды и пріемы, по которымъ двигались торжественныя процессіи и ходили во дворецъ чины, но не знаемъ вовсе не только расположенія и устройства, но даже названія и числа тѣхъ зданій и комнатъ, въ которыхъ жило иногда нѣсколько семействъ, состоящихъ изъ взрослыхъ и женатыхъ дѣтей царя, его братьевъ, племянниковъ и т. д. Кромѣ того, какъ при особѣ царя и царицы, такъ и при членахъ ихъ семьи состояли безъ сомнѣнія большіе штаты жившей во дворцѣ же прислуги и не мало придворныхъ чиновъ. Во дворцѣ жилось по нѣскольку семейныхъ царей, каждый съ своимъ штатомъ (напр. при Романѣ Лакапинѣ пять царей), а мы знаемъ только объ одномъ покоѣ для царя и одномъ для царицы, которые тоже скорѣе принадлежали къ параднымъ внутреннимъ, нежели жилымъ покоямъ. Гдѣ же жили остальные цари? По свидѣтельству Лютпранда, Романъ Лакапинъ занялъ Хрисотриклинъ и смежныя съ нимъ покои, какъ *praestantior pars Palatii*, а гдѣ жилъ Константины Багрянородный съ женою и дѣтьми, гдѣ жили цари-сыновья Романа со своими семействами, придворнымъ штатомъ, прислугою, мы не знаемъ. Наконецъ, во дворцѣ безъ сомнѣнія не мало было служебныхъ зданій, такъ называемыхъ службъ, для разныхъ хозяйственныхъ надобностей.

Если принять все это во вниманіе, то количество построекъ нужно увеличить противъ извѣстныхъ намъ вдвое или втрое и поставить ихъ въ извѣстныя отношенія къ частямъ Большаго Дворца, намъ извѣстнымъ. Эти жилые покои и службы частью могли быть отдѣльными зданіями, частью могли составлять верхніе и нижніе этажи тѣхъ же зданій, въ которыхъ помѣщались извѣстные намъ парадныя и пріемныя залы и переходы, и радикально измѣнить характеръ построекъ съ этими послѣдними. А если такъ, то мы должны совершенно отказаться отъ мысли возстановить планы двор-

1) Говоря о сочиненіи Лабарта и восхваляя его достоинства, Паспати замѣчаетъ: Κατ' ἐμὰ βίωμα, σφαλερὰ εἶναι πᾶσα περιγρηρὴ ἰδρυμάτων, τῶν ἐποίων οὐδ' εἰκόνας ἔχομεν οὐδ' ἔχοντες αὐτῶν διεσώθησαν μέχρις ἡμῶν. Ἀνάκτορα, 23.

цовыхъ зданій до тѣхъ поръ, пока не будутъ сдѣланы раскопки и обнаружены основанія и части дворцовыхъ зданій. Безъ раскопокъ и открытій основаній и частей бывшихъ дворцовыхъ построекъ всякіе планы будутъ игрою фантазіи и не будутъ имѣть никакихъ прочныхъ основаній. Единственное значеніе этихъ плановъ заключается въ томъ, что они наглядно показываютъ мнѣніе автора о послѣдовательности тѣхъ или другихъ помѣщеній по Обрядамъ Константина, о порядкѣ, въ которомъ царь и чины проходили чрезъ нихъ; но изъ этой послѣдовательности не всегда можно заключать даже о смежности, если на насъ нѣтъ прямыхъ указаній, потому что въ Обрядахъ упоминаются обыкновенно не всѣ проходимыя части зданій, а только нѣкоторыя, большею частію главныя и большія. Тѣмъ менѣе по порядку упоминаній можно заключать о расположеніи зданій, хотя было бы указано на смежность ихъ; такъ какъ почти никогда на основаніи смежности мы не можемъ заключать, какъ собственно прилегало одно зданіе къ другому, концомъ, бокомъ или угломъ; потому при взглядѣ на планы Лабарта и Паспати и другихъ почти всегда нужно имѣть въ виду, что расположеніе, длина, ширина и т. п. придуманы авторами плановъ, и что въ источникахъ упоминаются только нѣкоторыя части и принадлежности зданій: двери, арки, завѣсы, лѣстницы, портики, и притомъ только тѣ, которыя играютъ роль въ обрядахъ, а далеко не всѣ.

Всѣ вышеизложенныя соображенія и недостатки сочиненій, посвященныхъ описанію Большаго Дворца, заставили меня предпринять пересмотръ ~~всего~~ **всего** матеріала для топографіи Большаго Дворца, заключающагося въ главномъ, а въ большинствѣ случаевъ единственномъ источникѣ, т. е. Уставѣ Константина Багрянороднаго ¹⁾. Этотъ пересмотръ привелъ меня къ разногласію съ Лабартомъ по такой массѣ вопросовъ, особенно частныхъ, что оказалось необходимымъ сдѣлать вновь обзоръ главныхъ и наи-

1) Такъ какъ Обряды (Cerimoniae) Константина постоянно цитуются въ нижеслѣдующихъ главахъ, то они не называются каждый разъ, а обозначаются одними цифрами, причемъ первая (римская) цифра означаетъ книгу, вторая (арабская) главу, третья страницу Боннского изданія Обрядовъ или Церемоній Константина, напр. I, 1, 15 (= I книга, I глава, 15 страница).—Хотя я старался отмѣтить всѣ мѣста, имѣющія какое-нибудь значеніе для топографіи частей Большаго Дворца, но весьма возможно, что нѣкоторыя, не лишеныя значенія мѣста мною пропущены и не отмѣчены. Позволю себѣ однакожъ надѣяться, что все главное и существенное для топографіи въ Уставѣ Константина Багрянороднаго мною отмѣчено. Но читатель сталъ бы напрасно искать въ предлагаемомъ обзорѣ изложенія и разбора всѣхъ свидѣтельствъ и извѣстій о Большомъ Дворцѣ, которыя находятся у другихъ византійскихъ писателей и которыя собраны въ Constantinopolis Christiana Дюканжа. Изложеніе всего историческаго матеріала и всѣхъ извѣстій о Большомъ Дворцѣ не входитъ въ задачи предлагаемаго обзора, въ которомъ опредѣляется положеніе частей Большаго Дворца главнымъ образомъ на основаніи Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго и даются понятія объ нихъ, необходимыя для пониманія его обрядовъ.